

Наталия
Белопольская

Такие
неформатные
Взрослые...

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ
НОВЕЛЛЫ

Наталия Белопольская

Такие неформатные взрослые...
Психологические новеллы

«Когито-Центр»

2008

Белопольская Н. Л.

Такие неформатные взрослые... Психологические новеллы /
Н. Л. Белопольская — «Когито-Центр», 2008

ISBN 978-5-89353-264-7

Новеллы повествуют о людях, попавших в сложную жизненную ситуацию. Обращаясь к психологу, они или их близкие хотят получить совет, каким способом «неформатный» человек может вписаться в окружающую его социальную среду, чтобы добиться своих жизненных целей. Автор прослеживает судьбы своих героев, иногда оптимистичные, иногда трагичные, и ненавязчиво подталкивает читателя к размышлениям о способах управления собственной судьбой. События, описанные в новеллах, основаны на реальных фактах, но все имена героев, отдельные детали и обстоятельства изменены. Любое сходство с реальными людьми случайно.

ISBN 978-5-89353-264-7

© Белопольская Н. Л., 2008

© Когито-Центр, 2008

Содержание

От автора	5
Соври, если сможешь	6
Сын коммуниста	16
Вино из одного одуванчика	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Наталия Белопольская

Такие неформатные взрослые...

Психологические новеллы

От автора

Я часто размышляю над тем, что такое современный формат? Это понятие уже прочно обосновалось в нашем сознании. Особенно интересно, когда речь идет о людях.

Несомненно, с одной стороны, мы все стремимся уложиться в определенный социальный формат, а с другой – все ощущаем себя немного неформатными...

Порой из вполне форматных детей вырастают совершенно неформатные взрослые люди!

И порой из, казалось бы, совершенно неформатного ребенка вырастает абсолютно форматный, солидный взрослый человек!

Кому-то суждено всю жизнь прожить благополучной, форматной современному обществу личностью. Везет некоторым!

А кто-то буквально с рождения не укладывается ни в какой формат и так проживает всю свою взрослую жизнь.

Досадно, когда такие качества, как порядочность, доверчивость и искренность перестают быть качествами, присущими современной форматной личности.

Обидно, когда люди боятся полюбить и любить другого человека по-настоящему, потому что это не соответствует современному формату отношений!

Жалко, когда современные женщины считают, что быть форматной стервой вполне оправданно, да еще обучают этому других женщин, особенно молоденьких.

Больно, когда молодые мужчины считают, что официальный брак и забота о собственном ребенке – устаревшие понятия, и выступают за новый формат современных свободных и безответственных отношений.

Но как много во всех этих позициях маскировок, боли, реакций на пережитые разочарования и душевных мук!

Жизнь многообразна, и люди часто попадают в сложнейшие житейские ситуации, переживают конфликты, вступают в жизненный кризис, проходят через жестокие испытания. И тогда неформатных личностей становится больше...

Некоторые проблемы и переживания нашей взрослой жизни тянутся из детства, некоторые – из отрочества, многие – из юности. Другие проблемы и переживания возникают еще позже: в зрелом возрасте, в старости...

Так появляются неформатные взрослые...

Соври, если сможешь

Молодая женщина вызывающе посмотрела мне в глаза и спросила:

– А по вопросам супружеских измен вы консультируете?

– Смотря что вас волнует, – без особого энтузиазма отозвалась я.

– Да вот, хочу ребенка родить от постороннего мужчины, – небрежно произнесла моя клиентка.

– И чем же я, собственно, могу вам помочь? – удивилась я.

– Мне необходима психологическая поддержка на протяжении всей моей беременности, а может быть, и дальше, – опять вызывающе ответила женщина.

Детство и юность Ларисы складывались весьма неплохо. Несмотря на то, что родители развелись, когда девочке было пятнадцать лет, она никогда не чувствовала себя одинокой или обиженной. Родители расстались, как теперь говорят, «как цивилизованные люди». Лариса осталась жить с матерью, но с отцом встречалась часто. Материальных проблем в семье не было, и на Ларисе никто не экономил. Общения с родителями также было вполне достаточно. Так что на фоне семейных проблем одноклассников Ларисины проблемы были совсем незначительны. Ну, родители перестали жить вместе. Отец и раньше много времени проводил в длительных командировках, так что стиль его общения с Ларисой, по сути, остался прежним. И с мамой у Ларисы были теплые отношения.

Лариса окончила школу и поступила в институт. На последнем курсе она познакомилась с Василием, влюбилась и вышла замуж. Начался новый этап ее жизни.

Молодые поселились отдельно, в небольшой, но уютной квартире. Василий оказался спокойным, покладистым и обожающим свою супругу мужем. Оба любили и ценили уют и с энтузиазмом занялись обустройством своей квартиры.

Примерно через год после свадьбы молодые решили поехать отдохнуть. Море, солнце, прогулки под луной! Что может быть романтичней и прекрасней для любящей пары?!

Вскоре после возвращения домой Лариса сообщила мужу, что у них будет ребенок. Василий был по-настоящему счастлив. Они пошли в детский магазин, расположенный недалеко от дома, и долго разглядывали продающиеся там крохотные кофточки и ползунки.

Через восемь месяцев родился ребенок. Уже в роддоме Лариса узнала, что ребенок неполноценный, с не очень редким наследственным заболеванием, и что ему необходимо соблюдать строжайшую диету, иначе он будет деградировать и может превратиться практически в растение...

Нет, любящие родители никогда не могут принять такой приговор! Они начинают бороться и не верят, не верят врачам в надежде на чудо, в надежде на какую-то высшую силу, которая им поможет. В конце концов, врачи тоже могут ошибаться.

– За что мне все это? – думала Лариса, которая перестала спать по ночам. Василий отказывался верить в происшедшее несчастье.

Врачи успокаивали и обещали помочь. Они уверяли, что заболевание подлежит лечению и что все не так страшно. Таких детей оказалось довольно много.

Лариса решила сходить на встречу одноклассников. Немного переключиться, развеяться. Она ведь теперь не работала: занималась больным ребенком.

Она медленно перебирала свою одежду в шкафу и внезапно поняла, что одежда вся старая, все мало и надеть в принципе нечего. Лариса давно ничего себе не покупала, как-то забыла об этом.

Пришлось поехать в магазин. Потом пойти в парикмахерскую. И вот Лариса увидела себя в зеркале прежней, и даже улыбнулась своему отражению – так, чуть-чуть.

Лариса давно не встречала никого из своих школьных друзей. И ничего о них не знала. Ну и они ничего о ней знать не могли. В этом было колоссальное преимущество перед встречей, например, с однокурсниками. Поэтому Лариса и решила поехать на этот вечер в каком-то кафе. Народу собралось довольно много, и было интересно узнавать во всех этих взрослых людях ребят, с которыми Лариса училась чуть ли не с первого класса.

И тут она увидела Женьку. И он ее увидел.

Да как же она позабыла о нем? Ведь именно Женьку было очень интересно встретить. С ним связано так много чудесных воспоминаний. Ее первая любовь. Такая чистая, такая романтическая. И он был очень влюблен в Ларису! Даже больше, чем она в него. Да что там говорить, гораздо, гораздо больше.

Вечер как-то быстро определился. Женька сел рядом и с улыбкой поглядывал на Ларису. Было весело. Когда-то очень дружный класс встретился вновь, и все были по-настоящему рады.

Среди общего шума Женька наклонился к Ларисе и сказал: «А я долго не мог тебя забыть. Все-таки первая любовь».

– Ты женат? – спросила Лариса, немного смущаясь своей прямоот.

– Еще как женат, – ответил Женька, – двое детей: мальчик и девочка. Да и ты, я слышал, замужем. А дети есть?

– Да, я замужем, – ответила Лариса, – и дети есть, – добавила она с запинкой, – один ребенок.

– А кто – мальчик, девочка? – спросил Женька.

– Мальчик, – с усилием произнесла Лариса. Она поняла, что обычно думала о своем сыне просто как о ребенке, о больном ребенке, которому нужно то одно, то другое.

Женька, к счастью, ничего не заметил.

– Ты красивая, – тихо сказал он, – еще красивее стала, чем была в школе.

Женька поехал провожать Ларису. «По старой памяти», – сказал он. На прощание они обменялись номерами телефонов. Так, на всякий случай, не веря в то, что будут звонить друг другу. Да и зачем звонить?

Лариса с Василием повезли своего ребенка к врачу на очередной осмотр. Ребенок развивался плохо, несмотря на заверения врачей, что при строгом соблюдении диеты развитие будет практически нормальным.

– Тяжелая форма заболевания, – сказал врач, – плохо поддается лечению. Хотя положительные сдвиги все-таки есть. Будем наблюдать дальше.

Растерянные родители вышли на улицу.

– Все-таки есть положительные сдвиги, – сказал Василий, – будем надеяться на лучшее.

«А готовиться надо к худшему», – с тоской подумала Лариса.

Василий отвез Ларису с ребенком домой и уехал на работу. Он тоже очень переживал, но старался держаться. С Ларисой Василию становилось все сложнее.

...И Василий решил устроить Ларисе праздник. Он договорился со своей тещей, матерью Ларисы, чтобы она побыла с ребенком и отпустила их с женой на весь вечер. Василий пригласил Ларису в ресторан.

Лариса приглашение приняла, но особой радости не выразила.

– С чего это вдруг? – спросила она.

В ресторане она немного оживилась, но разговор у супругов не клеился. Делиться мечтами и планами не получалось, вспоминать счастливое прошлое не хотелось. Все сводилось к одному: что же будет с их ребенком?

Василий попробовал рассказать о своей работе, но Лариса явно дала ему понять, что очень страдает из-за того, что вынуждена не работать. Василий почувствовал раздражение. Так, может быть, ему тоже бросить работу? И вместе с женой сидеть дома? А кто их всех будет кормить?

Взаимное раздражение только усилилось.

Через несколько дней Ларисе вдруг позвонил Женька. Вернее, теперь уже Евгений. Он сказал, что сильно поругался с женой и ему нужно с кем-то поговорить, посоветоваться. Он попросил Ларису о встрече. Разве могла она отказать старому другу, тем более, когда у него появились проблемы? И когда у нее практически не осталось ни друзей, ни подруг? И они встретились. Они вновь узнавали друг друга, понимали друг друга и сочувствовали друг другу. Оба смогли встать пожаловаться на семейную жизнь.

Вечером Василий заметил, что Лариса выглядит спокойной и почти веселой. И у него стало легче на душе. Может быть, у них еще все наладится?

Лариса тайком от мужа решила обратиться в генетическую консультацию. Ее интересовало: могут ли они с Василием иметь здоровых детей? Она внимательно выслушала информацию о теории вероятности, по которой выходило, что они с Василием могут родить здорового ребенка. Потом выслушала информацию по статистике и поняла, что риск слишком велик. Главная неприятность состояла в том, что и Василий, и Лариса могли иметь здоровых детей с другими партнерами. Если бы они не встретились, не полюбили друг друга, не поженились, то могли бы и не узнать о заболевании, носителями которого являлись, будучи сами абсолютно здоровыми людьми. Кроме того, теоретически, опять же по теории вероятности, и у них с Василием мог родиться здоровый ребенок. Если бы им очень повезло. Но им очень не повезло...

– А где гарантия, что я не встретила бы другого мужчину, тоже носителя этого заболевания? – спросила Лариса у врача.

– Ну, это уже очень маловероятно, – ответил доктор.

Опять эта проклятая теория вероятности! А в институте она Ларисе нравилась!

Лариса шла домой медленно, пешком. Вот если бы жизнь сложилась иначе! Она бы встретила другого мужчину, родила здорового ребенка и была бы сейчас счастлива.

Она подумала о Евгении – своей первой любви. Он тоже не очень счастлив со своей женой! Не без гордости Лариса подумала, что ее Женька любил, конечно, больше. Она немного размышляла. Василия в ее мечтах не было.

Лариса и Евгений стали встречаться. Сначала они много говорили, много гуляли, взявшись за руки. Все было очень романтично: опять первый букетик цветов, первый поцелуй, первое настоящее свидание. И даже признание в любви. Обоим хотелось видеться чаще, но не получалось. Они были искренни в своих чувствах, и тайн друг от друга у них почти не было. Только у Ларисы была одна тайна, которой она не хотела делиться с Женькой, нет, теперь уже с Евгением Михайловичем.

Ребенок Ларисы и Василия подрастал, но оставался очень слабеньким, плаксивым и плохо развивался, несмотря на все усилия врачей и родителей. Лариса была внимательной и терпеливой матерью. Роман с Евгением, казалось, только помогал ей преодолевать все невзгоды.

Однажды Лариса, вернувшись домой со свидания, увидела мужа, сидящего в кресле с ребенком на руках. Он смотрел в одну точку, его взгляд потух, что-то старческое проступило

во всем его облике. Сынишка на его руках заплакал, и муж стал нежно его покачивать, успокаивать. Он слышал, что пришла Лариса, но не спешил позвать ее.

Ларисе стало стыдно. Лицо горело, руки дрожали. Она пошла на кухню, чтобы успокоиться. В кухню вошел Василий. Он молча обнял жену и стал покачивать ее – так же, как только что качал ребенка.

«Милая ты моя, бедная девочка, – сказал он Ларисе, – скажи, что я могу для тебя сделать?»

И Лариса вдруг осознала, что Василий был, есть и будет самый лучший, самый близкий и самый дорогой ей человек. И он не виноват, что у них такое горе. И Лариса должна бороться! И она будет бороться! В конце концов, она что-нибудь придумает. Она уже придумала. Но одной ей не справиться! А довериться некому. Нужно найти абсолютно постороннего человека, которому она сможет доверять, лучше специалиста. И она решила обратиться за консультацией к психологу.

– Итак, – сказала Лариса решительно, – я выбрала вас. Вы не знаете никого из моих знакомых, и я вам доверяю. Вы будете мне помогать. Причем заметьте: жалость, сочувствие мне не нужны, мне нужна реальная поддержка.

Я улыбнулась клиентке.

– Вам не кажется, что вы забыли меня спросить: могу ли я вам чем-то помочь? Я уж не говорю о своих желаниях.

В глазах Ларисы я заметила слезы, такие не выплаканные слезы, которые просто стоят в глазах и не льются, но обратно не уходят. Лариса подняла лицо вверх, видимо, для того, чтобы слезы все же влились обратно, и помахала руками, как бы заставляя их вернуться обратно в глубину глаз.

– Ну вот, довели меня до слез, – довольно грубо сказала она.

Я не выдержала. Хотя и не ждали от меня жалости и сочувствия, но я же не железная!

– Давайте-ка, – сказала я, – выпьем с вами чаю, и вы мне расскажете, что вы задумали, а потом уж я решу: смогу я вам помочь или нет. Может быть, я рекомендую вам другого специалиста, или вы сами поищите более подходящего, на ваш взгляд, психолога.

– Нет, – ответила моя клиентка, – об этом не может быть и речи. Второй раз я буду просто не в силах обратиться к кому-либо...

Мысли о Ларисе волновали Евгения. Действительно, первая любовь не забывается. Тем более что если Евгению чего-то и не хватало, так это романтики! Супруга Евгения совсем не была романтична. Так что свидания с Ларисой восполнили определенный пробел. Кроме того, Евгений был страшно горд, что у него появилась любовница! Это как-то поднимало его в собственных глазах, да и в глазах приятелей, которым он намекнул, что у него есть связь на стороне. Под пиво сложился такой красивый мужской разговор! А то раньше Евгению и рассказать-то в мужской компании было нечего!

Но супруга следила за Евгением зорко. Она заметила, что муж ни с того ни с сего похорошел и повеселел, и решила присмотреться к нему повнимательнее.

В жизни Евгения началась полоса ежедневных упреков и подозрений, сопровождавшихся обнюхиванием и выворачиванием карманов бдительной супругой. Потом наступило время допросов, так сказать, с пристрастием. В этом деле жена Евгения оказалась профессионально грамотной. Особенно по части пристрастий...

И Евгений стал немного тяготиться свиданиями с Ларисой. По крайней мере, он считал, что встречаться можно и реже. Вроде как и романтика в жизни присутствует, и с друзьями есть о чем поговорить, и супруга довольна. Евгений много работал, был нежным отцом и заботливым мужем. Да, он не очень ладил с женой, которая была довольно требовательной и ленивой одновременно. Но что-то менять в своей жизни? Об этом Евгений и не думал. Как говорится, и так проблем хватает.

– Расскажите мне, что вы собираетесь делать, – попросила я Ларису.

– У меня план, – ответила она, – понимаете, у меня есть муж, хороший муж. Я хочу его сохранить, не хочу с ним разводиться.

– Это весьма похвально, – отозвалась я, – а в чем же план?

– План – в том, что я хочу родить ребенка от другого мужчины, с которым встречаюсь, но мужу об этом не говорить.

– А чего же вы от меня хотите? – спросила я.

– Как чего? Какая вы непонятливая! Психологической поддержки, – ответила моя клиентка.

Я не люблю читать морали. Я не люблю объяснять своим клиентам, что «все тайное становится явным», что для того чтобы изменять мужу, не нужно благословение психолога, и что мужчины вправе знать, являются ли они отцами детей, которых родили их жены.

Но как сказать все это несчастной женщине? Матери тяжелобольного ребенка?

– Как зовут вашего сынишку? – спросила я.

– Петенька, – тихо ответила мать.

– Сколько ему лет?

– Уже четыре годика.

– Вам очень тяжело с ним? – очень тихо спросила я.

– Ничего, я уже привыкла, – не глядя на меня, ответила Лариса. – Но я очень хочу родить здорового ребенка. Думать больше не могу ни о чем. А рожать от мужа боюсь. Понимаете, сейчас, когда у меня есть Евгений, это довольно просто. Но у меня не всегда есть под рукой любовник, – грубым голосом добавила она последнюю фразу.

– Поговорите с мужем о возможностях родить здорового ребенка, – предложила я, – послушайте его точку зрения.

– Да какой же вы психолог! – рассердилась моя клиентка. – Ну, какой мужик на это согласится?

– Но можно сделать искусственное оплодотворение, – предположила я. – Может быть, на это ваш муж согласится? Это для мужчины, наверное, морально легче пережить, чем вашу измену. Вы хоть поинтересуйтесь его точкой зрения!

– Нечего его и спрашивать, – ответила Лариса гневно. – Мужчины – как дети. И вообще, меньше знает, крепче спит.

– Вы его не уважаете? – спросила я на всякий случай.

Лариса встала и быстро пошла к выходу...

Лариса заметила, что Евгений немного тяготится их отношениями, и решила действовать быстро. Ей и самой уже поднадоели их однообразные свидания. Все было уже рассказано, да и страсти пошли на убыль. Но Лариса изображала сильные чувства, клялась в любви и льстила мужскому самолюбию Евгения без зазрения совести. Ей было необходимо убедиться в том, что она беременна, и Лариса тянула время, как могла. Наивный Женька не мог грубо бросить безумно влюбленную в него женщину...

Но супруга Евгения не дремала. Она стала контролировать каждый его шаг, а затем устроила пару диких скандалов. Женька решил расстаться с Ларисой.

Он объявил ей об этом по телефону, так как уже не мог отлучаться из дома безнаказанно.

Евгений сказал, что первая любовь, конечно, штука серьезная, но она уже прошла. Он еще что-то мямлил про друзей, но Лариса не стала его слушать: дело было сделано.

Через два месяца Лариса снова пришла и села в кресло передо мной.

– Помогите мне. Мне больше не к кому обратиться.

Я сразу поняла, что она беременна.

– Вы сделали то, что собирались? – спросила я.

Женщина посмотрела на меня умоляюще.

– Вы меня осуждаете? – спросила она.

– Я помогу вам, чем только смогу, – невольно сказала я, глядя на ее несчастное лицо.

– Мне плохо и страшно, – сказала Лариса, – но я должна это выдержать. А я не выдерживаю. Не знаю, что говорить мужу, что врачу. Не сплю, всего боюсь. Боюсь сорваться и сказать мужу правду. Боюсь, что если он узнает правду, то уйдет от меня. Что я тогда буду делать одна с больным ребенком? Нет, уже с двумя детьми? А вдруг второй ребенок тоже родится больным?

Лариса заплакала. Я поняла, что она не оставила мне выбора. Волей-неволей я становилась участником этих драматических событий.

– Давайте, Лариса, сначала вы у меня немного подремлете, – предложила я, – отдохнете. У меня есть терапевтический сеанс «Счастливые сновидения». Вы знаете, что несчастные люди никогда не видят счастливых снов? Они им просто не снятся. А вы прямо сейчас увидите во сне много-много символов счастья, которые будут сулить вам наяву здоровье, удачу, любовь, добро. Хотите?

– Очень, – прошептала Лариса. – Я как раз тот несчастный человек, которому никогда-никогда не снятся счастливых снов. И я страшно устала.

Я сказала Ларисе, что если она решила родить здорового ребенка, то должна успокоиться и сосредоточиться на своем здоровье и душевном равновесии. И больше пока ни о чем не думать. Ни об отношениях с мужем, ни, тем более, о Евгении.

Я дала ей задание сшить красивое платье «для беременных». Но сначала выбрать цвет, ткань и придумать фасон, которые мы будем обсуждать вместе на следующей встрече. Мне пришлось согласиться на встречу с ее мужем Василием.

Василий произвел на меня хорошее впечатление. Он выглядел спокойным, уравновешенным человеком, а ведь ему тоже было нелегко. Жена сообщила ему о том, что беременна и что не собирается делать аборт. Василий видел, что она страдает, но объяснял это по-своему. Он и сам очень боялся того, что второй ребенок родится больным. Василий был растерян и напуган. Лариса отказывалась обсуждать с ним любые вопросы, связанные с беременностью. Она отказывалась также идти с Василием к врачу.

Василий сказал, что рад тому, что с Ларисой будет работать психолог.

Я попросила его набраться терпения. Объяснила, что Ларисе сейчас очень трудно, что ее не стоит ни о чем расспрашивать, что она должна успокоиться. Сказала, что все женщины, имеющие больных детей, особо нервничают во время последующей беременности.

Я не сказала Василию ни слова неправды, но и всей правды я ему сказать не могла.

– В конце концов, я не знаю, от кого беременна эта женщина, – рассуждала я сама с собой. – Для меня она просто беременная женщина, у которой уже есть тяжело больной ребенок и которая находится сейчас в таком состоянии, что я не могу ее бросить...

Мы регулярно встречались с Ларисой до самых родов. Она полюбила сеансы «Счастливых сновидений», и я дала ей домой кассету с записью «снов».

Мы много беседовали, скроили ей два красивых широких платья, которые Лариса потом сшила дома.

Однажды утром мне позвонил Василий и сказал, что Лариса родила девочку. Здоровую. Почему-то мне показалось, что в голосе Василия не было достаточно радости для столь замечательного события. «Переволновался», – решила я.

Потом позвонила Лариса. Она была счастлива по-настоящему! Она сказала, что роды прошли хорошо, и девчушка – просто чудо! А самое главное – она здорова!!!

К Евгению на работу устроился бывший одноклассник – Павел Белов. В первый же день приятели пошли вместе обедать. Обменивались сведениями о бывших учениках родной школы.

– А ты знаешь, какое у Лариски Сысоевой несчастье? – спросил Павел Евгения.

– Нет, – испугался тот. – А что случилось?

– Да это уже старая история, – сказал Павел. – Она родила какого-то очень больного ребенка, он практически не развивался: не говорил, не ходил. Ему сейчас лет пять. Но недавно она родила второго ребенка, абсолютно здорового, девочку, кажется. Мне Людка Родина рассказывала, она Лариску видела недавно.

Евгению стало не по себе. Лариса клялась ему в любви, говорила, что он единственный мужчина в ее жизни, а сама вдруг родила от мужа, едва расставшись с Евгением. Не поймешь этих женщин! И почему она никогда не говорила ему, что у нее такой больной ребенок?

А вдруг... Евгений гнал от себя эту неприятную мысль, но она все же четко осела в его сознании. А вдруг Лариса родила ребенка от него, Евгения? А вдруг ребенок тоже неполноценный? Может, у Сысоевой что-то там не так в организме, и она не может иметь здоровых детей? А вдруг ее муж бросил, узнав о ее связи с Женькой? Ой, а если его супруга узнает об этом? Ой, а если Лариска подаст на алименты? Докажет Женькино отцовство и подаст на алименты?!

«Так, спокойно, – сказал себе Евгений Михайлович. – Еще ничего не известно. Может, ребенок не от меня. Тогда какой он там родился – больной или здоровый – меня не касается. Главное, чтобы жена ничего не узнала».

Прошла неделя, но Евгений не смог успокоиться. Он решил приехать к Ларисе домой без приглашения днем, когда, как он знал, Лариса бывала дома одна.

Лариса только что покормила и уложила спать Петеньку, а потом с наслаждением занялась кормлением дочки. Дашка сосала жадно, сосредоточенно, кряхтя от удовольствия. Звонок в дверь прервал идиллию. Лариса, не отнимая дочь от груди, подошла к двери. Она увидела в глазок Женьку и от неожиданности распахнула дверь.

– Привет!

Ее первая любовь Евгений смотрел настороженно и мрачно. Лариса моментально собралась с духом и улыбнулась.

– Здравствуй, Евгений! Зачем пожаловал?

Но такого разговора Лариса не ожидала. Евгений вошел в квартиру и плотно прикрыл за собой дверь.

– Ну ты, мать уродов, – сказал он Ларисе, своей первой любви. – Даже не думай навязывать мне этого ребенка. Тебе не на что рассчитывать, поняла? Думаешь, нашла дурака, да? На чувствах моих сыграть захотела? Развела тут романтику, понимаешь. Сама кашу заварила, сама и расхлебывай.

Лариса грудью чувствовала тепло Дашкиной щеки. Она удивилась своему равнодушию к Женькиным словам и сказала:

– Успокойся, Евгений. Это не твой ребенок. Зря ты сюда прибежал. А вот того, что назвал меня «матерью уродов», я тебе не прощу. Жаль, мужа нет дома, он бы тебя с лестницы спустил. Уходи. Видишь, у меня ребенок на руках, а то я и сама бы тебя выгнала.

Евгений открыл было рот, потом его закрыл и вышел из квартиры. На душе у него было паршиво. Лариска все-таки такая красивая!

Лариса положила Дашку в кроватку, потому что боялась ее уронить. Ее колотил озноб, поднялась температура, а руки стали ледяными. Потеряв сознание, она рухнула на пол...

Оправившись от потрясения, Лариса приехала на встречу со мной. До этого мы говорили с ней по телефону, и я знала, что произошло.

– Долго мне еще страдать? – спросила меня Лариса голосом, полным отчаяния.

– А что вас сейчас мучает? – спросила я, проигнорировав ее вопрос.

– Боюсь, что Женька захочет поговорить с моим мужем, потребует установления отцовства.

– Так, еще чего вы боитесь?

– Боюсь, что муж узнает, что Дашка не его дочь, и бросит меня с детьми. Как тогда мы будем жить и, извините, на какие средства?

– Еще чего-нибудь вы сейчас боитесь? – деловито спросила я.

– Нет, – ответила Лариса растерянно, – а разве этого мало?

– А молоко у вас не пропало? – опять деловито спросила я.

– Нет, не пропало, – снова растерянно ответила Лариса.

– А если бы пропало, вы бы расстроились?

– Конечно, Дашке же полезно грудное кормление!

– Вот, – сказала я, – думайте лучше об этом. А с мужчинами придется разобраться. В одном прав Евгений: вы кашу заварили, вам и расхлебывать! Но дети пострадать не должны. Вы со мной согласны?

Лариса молча кивнула.

Я пыталась разработать план действий, но меня смущала чрезмерная ответственность, которую я невольно взяла на себя. Фактически все вышло так, как хотела Лариса. Я сопровождала всю ее беременность и даже больше. Но как отказать женщине, оказавшейся в такой сложной ситуации? Для меня было очень важно, что Лариса была прекрасной матерью для обоих своих детей. Ну что ж! Ей придется решать самой. Нести ли свой крест лжи дальше или рассказать всю правду. Истина, как обычно, оказалась посередине.

– Нет, – сказала Лариса, – я не скажу мужу правды. Лучше вы позвоните Евгению, скажите, что вы врач и что Дашка – не его дочь.

– Да что вы говорите, – удивилась я. – А кто у нас тут кого консультирует?

– Вы должны мне помочь, – настаивала Лариса.

– Ошибаетесь, – пришлось мне поставить ее на место. – Это вы приходите ко мне на консультации и звоните, когда вам плохо, а я к вам не прихожу и не спрашиваю, что мне делать. Более того, – добавила я сердито, – я вас к себе даже не приглашаю. Хотите, живите, как живете.

Я думала, что Лариса уйдет, но она продолжала сидеть.

– А что вы предлагаете? – наконец с усилием произнесла она. – Сказать Женьке, что Дашка – его дочь?

– Ну зачем с этим торопиться, – неохотно произнесла я. – Как я поняла, ребенок его не интересуется. Он предпочел бы, чтобы Даша оказалась не его дочерью.

– Вот и я говорю, – оживилась Лариса. – Позвоните ему, он вам поверит!

– Лариса! – произнесла я очень серьезно. – Поговорите прежде всего со своим мужем. Возможно, у него есть свои переживания и мысли, которые вы не вправе игнорировать. Рас-

скажите ему о своих страданиях, о мечте иметь здорового ребенка. И о том, что вам трудно скрывать правду. И будь что будет...

– Да-а... – протянула Лариса. – Вам легко говорить. Да он тут же меня бросит! А на что я буду жить? На Петенькины алименты?

– Я не юрист, – сухо ответила я. – Конечно, в этом случае вам придется тяжело. Надо будет устанавливать Даше отцовство и подавать на еще одни алименты. Но, с другой стороны, если ваш муж догадается о том, что Даша – не его ребенок, или у Евгения проснутся отцовские чувства, все может обернуться еще хуже.

– Не знаю, не знаю, – произнесла Лариса. – Я подумаю. Не уверена, что смогу признаться мужу во всем. Мне легче все отрицать. Ну почему, почему вы не хотите позвонить Евгению?!

Дашка подрастала, ей исполнилось пять месяцев. Лариса видела, как Василий нежно, с восхищением смотрит на дочь, и ей было не по себе. Каждый день она боялась, что позвонит Женька. Боялась неожиданных звонков в дверь. Боялась разговоров о том, на кого похожа Даша. Всегда их прерывала.

Лариса решила поговорить с мужем, но все тянула. Разговаривать о таких вещах в публичном месте было нелепо, а дома неудобно, потому что дети могли отвлечь в любую минуту. Поговорить на улице, пока с детьми побудет бабушка? Но реакция мужа не предсказуема! А бабушка, естественно, ничего не знает!

И Лариса выбрала ночь. Сама без совета психолога приняла решение. Впервые за последний год она приняла решение сама. Поговорить с мужем ночью. В то время, когда дети обычно спят.

Она накрыла стол на кухне. Поставила бутылку водки, вино и сок. Две рюмки. Нарезала хлеб. Нарезала сыр. Еще что-то нарезала. Долго мыла два яблока. Потом их тоже нарезала аккуратными тонкими дольками. Постояла, подумала. Достала салфетки. С салфетками в руках вошла в комнату, где муж смотрел телевизор.

– Вася. Пойдем на кухню. Посидим, выпьем. Мне поговорить с тобой надо.

Василий посмотрел удивленно, но поднялся. Пошел следом за Ларисой на кухню. Увидев накрытый стол, присвистнул, но промолчал, сел. Молча открыл бутылку вина, налил.

– О чем пойдет разговор?

Лариса стояла.

– Понимаешь, Васька, я очень страдала...

– Мы оба страдали, – отозвался Василий.

– Не перебивай. Я страдала. И у меня был любовник. И, возможно, – Лариса решила смягчить удар, – Даша не твоя дочь.

Она стояла, а Василий сидел и пил вино. Он посмотрел на Ларису, но она отвела взгляд.

– Ну, что ж, – наконец отозвался он, – скажу тебе на это, что я тоже изменял тебе с одной весьма привлекательной женщиной. Теперь представь себе, что она тоже родила от меня здорового ребенка. Как тебе такой вариант?

Лариса смотрела на мужа во все глаза.

– Это правда? – только и смогла произнести она.

– А как ты думала? – снова спросил Василий. – Ты хотела здорового ребенка, и я хотел. Ты знала, что можешь иметь здорового ребенка, и я знал, что могу.

– Что же теперь будет? – с ужасом спросила Лариса. – Ты уйдешь от меня? Бросишь меня с Петенькой и Дашкой? Создашь новую семью? – Лариса плакала. – Почему ты ничего не говорил мне раньше?

Василий помолчал.

– Понимаешь, я догадался, что у тебя есть любовник. Не сразу, конечно. Наоборот, ближе к вашему разрыву. А молчал, потому что у меня тоже в этот момент появилась женщина.

Я не знал, от кого ты беременна. Я пытался вычислить, и у меня получилось, что ребенок мог быть и от меня. Я уловил тот момент, когда ты рассталась со своим другом. Когда я узнал, что ты беременна и решила родить ребенка, я не смог продолжать отношения со своей подругой, хотя она в тот момент поддерживала меня. А ты была совершенно невыносима. А потом родилась Дашка, и я увидел, как ты расцвела, как ты счастлива. И увидел Дашку.

– И что? – растерянно спросила Лариса.

– Да то, – ответил Василий, – что она на меня похожа. Такие же круглые глаза и нос курносый. И пальцы на ручках, и ногти. Никакой экспертизы не надо. Ты что, не обратила внимания?

Ларису всю передернуло. Голова ее шла кругом. Она вспомнила раскосые глаза Женьки.

– Что же теперь со всеми нами будет? – спросила Лариса, которой, несмотря на трудный разговор, стало несравнимо легче.

Василий подошел к ней и обнял за плечи.

– Как что будет? Будем жить дальше. Хорошо, что теперь у нас не один Петенька. А ты заметила, как Дашка радуется, когда я прихожу с работы?

– Подожди, подожди, – пробормотала Лариса, – а как же твой ребенок от той, другой женщины? Она что, не замужем? Или замужем? И кто там, мальчик или девочка?

– Какой ребенок? – удивился Василий. – Я же тебе сказал: ПРЕДСТАВЬ себе, что у меня тоже родился ребенок. Поняла? Ты себе это представила? Ну, вот и все. У тебя богатое воображение.

Давным-давно Лариса не спала так сладко, как в ту ночь. Ей снились счастливые сны. Все, что мучило ее в последнее время, испарилось без следа, и она спала безмятежно. И дети спали крепко.

Лариса приехала ко мне с Дашкой. Она выглядела спокойной и веселой. Мы поговорили о Пете, чему его можно учить и как воспитывать. Потом о Дашке. Лариса притворно жаловалась на дочку, какая та озорница.

А через месяц ко мне на прием приехал Василий. Едва взглянув ему в лицо, я мысленно произнесла: «О, нет!»

Василий прекрасно понял выражение моего лица.

– Да, – сказал он угрюмо, – не смотрите на меня так. У меня есть ребенок от другой женщины. Здоровый. И я скрываю это от Ларисы.

Я села в свое кресло и обхватила голову руками.

Сын коммуниста

Молодой мужчина: черноволосый, смуглый, сильно стесняясь, вошел в мой кабинет. Когда он заговорил, я заметила, что он немного заикается.

– Я прошу вас проконсультировать мою дочь.

– По какому вопросу? – привычно отозвалась я.

– Меня интересует, нет ли у нее, например, шизофрении или, например, умственной отсталости, – ответил мужчина. – Меня зовут Антон Антонович, – вдруг спохватившись, представился он.

Я непроизвольно откинулась в кресле. Просьба отца показалась мне, мягко говоря, довольно своеобразной.

– Может быть, вам лучше обратиться к детскому психиатру, – осторожно предложила я, внимательно наблюдая за заботливым папашей, – он сможет поставить верный диагноз вашей дочери. А я – психолог.

– Нет, уж, увольте, – воскликнул Антон Антонович с надрывом. Никаких психиатров!!!

– Только спокойно, – сказала я не то Антону Антоновичу, не то себе. – Давайте разберемся.

Антонио родился в Риме. Он был единственным сыном уже немолодых родителей, но каких родителей! Его отец и мать были прекрасно образованными людьми. Каждый из них владел несколькими языками, отец в свободное от работы время рисовал, а мать играла на фортепиано.

Антонио вырос в чудесном доме: просторном, уютном, где все было сделано с большим вкусом. В доме часто останавливались друзья родителей, собирались гости. Родители были чрезвычайно гостеприимны и приветливы. Антонио рос в атмосфере любви, искусства и праздника. Именно такой ему и представлялась жизнь.

Довольно быстро проявились его очевидные способности к языкам. Кроме родного итальянского языка, Антонио изучал английский и французский, а позже и русский язык. Его отец знал русский язык и часто говорил с сыном по-русски.

Антонио прекрасно учился и любил учиться. Перед ним открывались великолепные перспективы для получения блестящего образования.

Отец Антонио был коммунистом. Мальчик узнал об этом случайно, но отец не стал беседовать с сыном на эту тему.

– Рано, – сказал он Антонио почему-то по-русски. – Станешь взрослым, сам во всем разберешься и решишь: будешь ты коммунистом или нет.

– Когда мы вернемся к этому разговору? – спросил Антонио.

– Когда тебе исполнится двадцать один год, – серьезно ответил отец.

Но вышло все иначе. Как всегда внезапно. Когда Антонио только-только исполнилось шестнадцать, отца арестовали «за коммунистическую пропаганду» и посадили в тюрьму. Мать вскоре заболела от горя, и ее положили в больницу. У нее оказалось слабое сердце.

Антонио остался дома один. Какой-то человек, зайдя вечером узнать новости об отце, попросил мальчика отнести небольшой пакет по указанному на нем адресу.

На следующий день Антонио отправился выполнять поручение, но по дороге был схвачен полицией и арестован. По законам страны его – шестнадцатилетнего подростка – не могли посадить в тюрьму. Но вина его была доказана. Кроме того, он оказал полиции сильное сопротивление: кричал и дрался. В результате всего этого Антонио поместили в психиатрическую клинику...

Только месяц назад ему исполнилось шестнадцать лет. Какой праздник организовали ему родители на день рождения! Было множество гостей, играл оркестр, устроили фейерверк!

Боже мой, как круто изменилась жизнь Антонио! Он вдруг оказался совершенно один. И какие-то незнакомые ему люди все твердили, что он серьезно болен. Антонио плакал. Сначала тихо, а потом громко, навзрыд. Пришел врач и распорядился сделать мальчику успокоительный укол. Это было только начало...

– Присядьте, – предложила я мужчине, назвавшемуся Антоном Антоновичем.

Он сел и мельком посмотрел на меня. Быстро отвел глаза. Потом провел рукой по лбу, вытирая пот.

– Почему вы предполагаете у своей дочки такие серьезные заболевания? – как можно мягче спросила я. – И такие разные? Детская шизофрения или умственная отсталость – откуда у вас эти опасения?

– Поверьте, у меня есть основания, – ответил мой клиент.

– Допустим, – ответила я. – Но скажите, вы женаты? У девочки есть мать?

Мужчина перевел дух.

– Да, я женат. У Маши есть мать.

– А сколько лет Маше?

– Недавно исполнилось пять лет.

– Ну вот, видите, – решила я приободрить взволнованного отца. – Мы потихоньку начинаем с вами знакомиться.

Неожиданно мужчина закрыл глаза.

– Я очень устал, – тихо сказал он. – Этот приход к вам вывел меня из сил.

– Вы хотели сказать «выбил вас из сил» или «вывел вас из равновесия», – улыбнувшись, сказала я, желая разрядить обстановку.

Антон Антонович тут же открыл глаза.

– Как вы сказали? Ах да, простите мне эту неловкость, – произнес он вдруг довольно старомодно, – спасибо, что вы меня поправили.

– Русский язык – не родной для вас? – спросила я, заметив во всем этом некую странность.

Лицо мужчины побледнело. Мне показалось, что он может потерять сознание.

– Вам плохо? – спросила я.

– Нет, ничего, – ответил мужчина. – Разрешите, я приду к вам завтра, теперь я уже знаю дорогу.

– Приходите в четыре! – крикнула я ему уже вслед. Вообще-то у меня была предварительная запись пациентов, и все приходили строго по времени.

На следующий день Антон Антонович приехал без пятнадцати минут четыре. Ему пришлось немного подождать в коридоре, пока я не освободилась. Он вошел в мой кабинет уже более спокойным, чем в первый раз.

– Ваш вопрос ко мне настолько серьезен, – сказала я, – что мне надо кое-что уточнить.

Антон Антонович ответил, что согласен.

– Ваша жена, – начала я, – здоровая женщина?

– В каком смысле? – переспросил мой клиент.

– Психически здорова? – уточнила я, стараясь сохранять непринужденный тон.

– Да, вполне здорова, – спокойно отозвался Антон Антонович. – Немного нервная, как все женщины. Ох, простите, – взглянув на меня, добавил он.

– А вы сами, простите, – решила я на главный вопрос, – вы никогда не обращались к невропатологу или психиатру?

– Нет, – отозвался мой собеседник, – я не обращался! Но меня лечили! И еще как лечили!!!

Я немного помолчала. Но все же спросила:

– И как же вас лечили?

Антон Антонович резко встал. Потом повернулся ко мне спиной и рывком задрал вверх свой свитер.

На его спине не было, что называется, «живого места». Вся спина была сплошь покрыта рубцами и шрамами. Я молчала.

Антон Антонович опустил свитер, повернулся ко мне лицом и сел.

– Вы можете осмотреть мою дочь? Или вы хотите что-то узнать о моем лечении? – заикаясь, спросил он.

– Приходите с дочкой, а еще лучше – с дочкой и женой, – в некотором замешательстве произнесла я, – и не волнуйтесь так. Вы расскажете мне только то, что сочтете нужным.

– Спасибо, – первый раз за наше знакомство сказал мой новый клиент.

Антонио провел в больнице три года. Он очень изменился. На вид ему теперь можно было дать не девятнадцать, а все тридцать лет.

Дважды его навещала мать. Антонио ее не узнавал. Он принял ее за какую-то старую знакомую и очень удивился, что она пришла.

У Антонио теперь стало ровное спокойное настроение, он редко огорчался или радовался по-настоящему, а если чему-то и удивлялся, то как-то вяло. У него появилось заикание, которое то почти исчезало, то вдруг усиливалось. Теперь его лечили от заикания. По крайней мере, так сказали матери, когда она навестила его в больнице.

Мать плакала, глядя на сына. Антонио смотрел на эту женщину и не понимал, отчего она плачет. Сам Антонио уже не плакал очень давно.

На очередном обходе врач сообщил Антонио, что его лечение подходит к концу.

– Ты уже почти не заикаешься, – сказал врач. – Скоро будем тебя выписывать, поедешь домой.

– Домой, домой, – повторил юноша. – А где мой дом?

– Я не знаю, – ответил врач. – Спроси у своей матери, когда она придет навестить тебя.

Врач осмотрел юношу и назначил ему новые лекарства.

Постепенно память стала возвращаться к Антонио. Утром он проснулся от воспоминаний. Ему приснился отец. Они с Антонио гуляли в чудесном саду, только Антонио был ребенком. Они с отцом разговаривали о чем-то, и мальчик чувствовал себя очень счастливым. Потом отец махнул рукой и стал быстро удаляться от сына.

– Папа, вернись! – закричал мальчик Антонио, но почувствовал, что губы его не слушаются. Солнце во сне померкло, стало холодно. Антонио проснулся. Он провел рукой по небри- той щеке. Он что, уже не мальчик? Рука стала мокрой от слез. Оказывается, во сне Антонио умел плакать. Ах, да, во сне ведь он был еще ребенком...

Через несколько дней юношу снова навестила мать. Она стала совсем седой, но измученное лицо все равно выглядело прекрасным. По крайней мере, так считал Антонио.

Он увидел мать и протянул к ней руки. Женщина едва не упала, а затем бросилась в объятия сына.

– Ты узнал меня, сынок? – спросила она.

– М-ма-м-ма, – ответил он, заикаясь, и закрыл глаза.

Они долго сидели, обнявшись, и их никто не беспокоил. Говорить не было сил.

Наконец Антонио открыл глаза и посмотрел на мать.

– А где папа? – спросил он, припоминая. – Он до сих пор в тюрьме?

По лицу матери текли слезы.

– Нет, – смогла ответить она.

– Его выпустили? – спросил Антонио, испытывая волнение, давно забытое чувство.

– Он умер. В тюрьме, – ответила мать. – И его уже похоронили.

Антонио смотрел на мать во все глаза.

– Мы гуляли с папой сегодня в саду, – сказал он, – и он вдруг от меня ушел. А я был еще маленьким...

– На сегодня достаточно, – сказал внезапно появившийся врач. – Свидание окончено. Больной слишком устал. Приходите завтра.

Антонио стал быстро поправляться. Память стремительно возвращалась к нему. Но вместе с памятью ожили и воспоминания. А за ними – боль и страх.

Мать навещала его каждый день. Она сообщила сыну, что им предложили покинуть страну.

– Кто предложил? – спросил Антонио, но мать оставила вопрос без ответа. Она рассказала, что им с сыном предложили выбрать для дальнейшего проживания любую страну с коммунистическим режимом. Мать выбрала Советский Союз.

– Ну, конечно же, надо ехать в Советский Союз! – думал Антонио. – Там сильная коммунистическая партия. Там строят коммунизм. Отец верил в коммунизм. Он также верил в равенство и справедливость.

Антон Антонович приехал ко мне на прием один. Без жены и без дочери. Я не очень удивилась.

– Ваша жена не считает необходимым консультировать ребенка? – спросила я.

– Нет, дело не в этом, – ответил мой клиент. – Просто я вам пока не до конца доверяю.

Скажите, вы верите в коммунизм?

Мне показалось, что я теряю время зря, и я спросила строго:

– Вы приехали ко мне на прием поговорить о коммунизме? Я здесь занимаюсь другими вопросами.

– Ответьте, пожалуйста, – умоляюще сказал Антон Антонович.

Я вздохнула и решила ответить.

– Антон Антонович, моя юность прошла во времена Хрущева. Тогда я верила, что коммунизм будет. Тем более, Хрущев обещал, что его построят примерно к 1980-му году. Мне в 80-м году должно было исполниться 30 лет. Мы тогда все верили в возможность построения коммунизма, ну, если не все, то многие. Молодежь. А если и не очень верили, то надеялись. Уж больно идея привлекательная.

Я посмотрела на Антона Антоновича. Он слушал меня с глубочайшим интересом.

– А вас волновали тогда материальные блага, – опять спросил он, – деньги, квартира, машина?

– Нет, Антон Антонович, – ответила я довольно печально, но абсолютно серьезно. – Меня волновало только одно: буду ли я по своим моральным качествам соответствовать этому прекрасному обществу! Деньги меня не интересовали вообще. Их же собирались отменить! Но тогда мне было семнадцать лет.

– Да, да, – взволнованно сказал Антон Антонович, – я вас понимаю. И я понял, что могу вам доверять. А теперь вы другая?

– Теперь я другая, Антон Антонович. Нравится вам это или нет.

– Мне нравится, что вы такой все-таки были, – произнес он. – Я и сам был таким. Просто я хотел убедиться, что вы сможете меня понять.

Антонио с матерью приехали в Советский Союз. Юноше было девятнадцать лет, и он решил поступить в медицинский институт. Его волновало собственное психическое здоровье. Прошло уже полгода после выхода из больницы, но молодой человек часто испытывал страх и слышал какие-то голоса. Иногда ему мерещился отец, а иногда – люди в медицинской одежде. Беспричинная паника охватывала Антонио, и это было мучительно.

Ему пришлось обратиться к психиатру, и врач назначил ему медикаментозное лечение, чтобы устранить некоторые симптомы. Лечение помогало, но если Антонио забывал принять порошок или таблетку, галлюцинации могли появиться снова. Врач объяснил, что, возможно, Антонио теперь придется всю жизнь принимать лекарства-«корректоры».

Антонио надеялся вылечить себя, став врачом.

Учился он легко. И здесь проявились его недюжинные способности. Антонио заканчивал уже четвертый курс, но разобраться в своем заболевании пока не мог.

Учась на пятом курсе, Антонио влюбился. Соня была моложе его и показалась юноше чистой и немного наивной.

– Тургеневская девушка, – подумал Антонио, знакомый с русской классикой. Он рассказал Соне свою историю, и Соня, как и полагается «тургеневской девушке», прониклась его страданиями, пожалела и полюбила его, а потом вышла за него замуж. К тому же она была уже беременной.

Вот чего больше всего боялся Антон, как теперь его все звали, так это проблем с будущим ребенком. Как такое количество лекарств, и каких лекарств, которые он принимал, может повлиять на развитие будущего ребенка?! Что там скрывать, в больнице у Антонио стоял диагноз: шизофрения. И сейчас он принимал большое количество весьма серьезных психотропных препаратов.

Он смотрел на Соню, как на героиню. И Соня чувствовала себя героиней и вела себя как героиня. Она смотрела на мужа глазами, полными страха и гордости за свое мужество. Институт Соня бросила: беременность протекала с тяжелым токсикозом.

Роды тоже были тяжелыми. Девочка родилась слабенькой.

– Давайте я просто познакомлюсь с вашей дочкой Машей, побеседую с ней, позанимаюсь и составлю собственное мнение о ее развитии и особенностях, – предложила я Антону Антоновичу и его жене на следующей встрече.

– И вы сразу сможете определить, нет ли у нее шизофрении? – недоверчиво уточнил Машин папа.

– И сразу скажете нам, нет ли у нее задержки развития? – взволнованно спросила Машин мама.

– Извините, Антон Антонович, – решила я на вопрос, – а вы трудитесь в какой области медицины?

– Да что вы, – ответил он, – я не смог работать врачом. Я работаю переводчиком. Пригодились хорошие знания языков.

– Тогда тем более, – сказала я, – давайте больше доверять моему мнению.

Маша оказалась застенчивым пятилетним ребенком. Очень чувствительной, даже немного невротичной девочкой с нормальным интеллектуальным развитием. Ни о какой психической патологии не могло идти и речи. Я вздохнула с огромным облегчением.

Родители вошли в мой кабинет с лицами людей, которые собираются услышать приговор.

– Ребенок психически здоров, – просто сказала я, – ее особенности укладываются в рамки детских индивидуальных различий. Моя помощь вам не требуется.

– Как это не требуется?! – возмущенно воскликнул Антон Антонович. Я уже к вам привык. Дорогу запомнил. А потом вдруг патология у Маши проявится позже? И мы вовремя не заметим? Нет уж, поставьте нас всех на учет! Мы будем к вам регулярно ездить! Я и сам хочу к вам поездить, – добавил Антон Антонович уже спокойнее.

– Зачем же? – поинтересовалась я.

– Как зачем? О воспитании Маши посоветоваться. Ну, и... – он немного замялся, – поговорить о коммунизме.

Антон Антонович спросил, нет ли у меня одной книги по психологии, которая нужна была ему срочно для работы. Книга у меня была, но я в то время на свою работу не ходила, так как еще не оправилась после гриппа. Антон Антонович попросил разрешения приехать ко мне домой.

Я решила отдать ему книгу прямо в дверях, но он остановил меня своим замечанием.

– Как вы можете жить в таком некрасивом доме? Вы заметили, что в вашем районе все дома лишены индивидуальности? Они все одинаковые.

Я пришла в замешательство, но вежливо улыбнулась.

– Многие живут в таких домах, Антон Антонович, и не жалуются. Есть дома и похуже.

Но он продолжал.

– И такие неудобные грязные подъезды! А вы бывали в Лондоне, Париже, Риме? Впрочем, в Москве тоже есть прекрасные дома.

Я разозлилась.

– Извините, – произнесла я, проклиная свою покладистость. – Я плохо себя чувствую. До свидания. Не забудьте вернуть книгу.

– Это коммунисты построили все эти дома, – сказал Антон Антонович, вместо слов «спасибо» и «до свидания».

У Маши появились страхи перед засыпанием, и Антон Антонович с женой приехали снова. Мы обсудили все вопросы с родителями, и мать с девочкой вышли из кабинета.

Антон Антонович задержался.

– Можно пригласить вас к нам в гости? – спросил он.

– Я не хожу в гости к людям, которым оказываю профессиональную помощь, – быстро ответила я.

– Я хочу показать вам свой дом, – сказал Антон Антонович, – а вы мне скажете, имею ли я, сын коммуниста, право на то, чтобы жить в таком доме?

– Это вы должны решать сами, – ответила я, – этот вопрос явно не ко мне.

– Просто вы не видели мой дом, – озабоченно произнес мой постоянный клиент.

Антонио получил наследство от своего дяди. Как в романе. Антонио и чувствовал себя героем романа, когда неожиданно получил огромную сумму денег. Он решил купить квартиру.

В конце концов, его детство прошло в исключительно красивом доме. Пусть и его дочь живет в хороших условиях.

Впервые за долгие годы Антонио ощутил себя в приподнятом настроении. Он забыл принять свои лекарства, но чувствовал себя превосходно. С энтузиазмом занялся поисками новой квартиры и внезапно обнаружил, что и в самом центре Москвы есть замечательные, современные квартиры, которые располагаются в старых великолепных особняках. Он купил двухэтажную квартиру с отдельным входом с улицы, которая являлась частью двухэтажного особняка. Всего в доме было четыре квартиры. До метро можно было дойти пешком.

Ночью, лежа без сна, Антонио думал об отце. Отец был коммунистом и с уважением относился к Советскому Союзу. Но отец любил все прекрасное! И не только природу и искусство. Он любил красивые дома и рестораны, хорошо одевался.

Интересно, как бы он отнесся к тому, что его сын будет жить в Советском Союзе? Наверное, был бы рад. А к тому, что Антонио купил прекрасную квартиру? Тоже был бы рад! Так в чем же дело?

Антонио заснул, и ему снился отец. Антонио был счастлив. Проснувшись утром, он удивился: почему рядом с отцом он всегда видит себя ребенком.

Я увидела, что Антон Антонович снова записался ко мне на прием. Без Маши.

Ну, что ж, такое бывает. Надо постепенно отучать клиента обращаться ко мне «по любым вопросам» и научить жить самостоятельно.

– Скажите, а у меня нет шизофрении? – с порога огорошил меня вопросом Антон Антонович.

– Вас же наблюдает врач, – отозвалась я. – Спросите у него.

– Нет, – закапризничал мой постоянный клиент, – скажите вы.

Я предложила моему клиенту сесть и сказала:

– Дорогой Антон Антонович, поверьте моему опыту, не стоит кричать на каждом углу, что у вас «шизофрения». Люди очень верят словам. Одно дело, кто-то о чем-то догадывается, и совсем другое, когда человек сам сообщает о себе подобную информацию. Кроме того, я думаю, что у вас нет этого заболевания.

– Да? – переспросил Антон Антонович. – А меня тут соседка спросила, милая такая женщина, в какой больнице я лечился, так что мне ей говорить?

– А вы изобразите недоумение. Не стоит обсуждать свое психическое здоровье с соседкой, даже если она милая женщина.

– А я уже ей говорил, что боюсь, что у меня шизофрения. И у Маши.

– А вы скажите ей, что пошутили.

– А она поверит?

– А вы так скажите, чтобы она поверила.

– Ладно, я попробую, – сказал Антон Антонович, сильно заикаясь. – Поверю вашему опыту.

– Эта наша последняя встреча, – сказала я, когда Антон Антонович приехал ко мне в следующий раз и заявил, что опять хочет поговорить со мной о коммунизме, – так что слушайте меня внимательно и отвечайте строго на мои вопросы. Отвечайте совсем коротко.

Мой постоянный клиент хотел что-то возразить. Но я встала за его спиной и скомандовала:

– Сидите спокойно, отдыхайте. Теперь отвечайте. Вы сильно любили своего отца?

– Сильно.

– Сколько вам было лет, когда вы узнали, что ваш отец коммунист?

– Шестнадцать.

– Отец советовал вам стать коммунистом?

– Нет. Он собирался поговорить со мной, когда мне исполнится двадцать один год.

– Он не считал вас достаточно взрослым для такого разговора?

– Думаю, да.

– Отец при жизни относился к вам как к ребенку?

– Да.

– Отец относился и к вашей матери тоже как к ребенку?

– Скорее, да.

- Что вы почувствовали, когда вам исполнился двадцать один год?
 - Ничего. Я чувствовал себя больным.
 - Сейчас вы здоровы?
 - Да.
 - У вас родился здоровый ребенок?
 - Да.
 - Вы часто видите отца во сне?
 - Да.
 - Вы видите себя во сне ребенком?
 - Да.
 - Вам уже давно исполнился двадцать один год?
 - Да.
 - Сейчас вы чувствуете себя взрослым?
 - Да.
 - Подумайте и примите решение: вы хотите быть коммунистом?
- Последовала пауза. Лоб Антона Антоновича покрылся испариной.
- Нет.
 - Ваш отец хотел, чтобы вы приняли это решение сами, самостоятельно, когда вам исполнится двадцать один год и вы станете взрослым. Вы сделали то, что хотел ваш отец.
 - А что он от меня хотел? – спросил мой постоянный клиент.
 - Чтобы вы приняли решение, став взрослым. И вы его приняли.

После этого случая Антон Антонович звонил мне всего пару раз: советовался о школьных делах дочки. А потом исчез из моего поля зрения.

Однажды вечером я шла с работы пешком, когда меня окликнул по имени элегантно одетый мужчина. Мужчина был в шляпе и темных очках, и я не сразу поняла, кто это.

Сначала мне даже показалось, что мужчина – иностранец, но он обратился ко мне по-русски, и я с удивлением обнаружила, что передо мной стоит Антон Антонович собственной персоной! Он сильно изменился. Я сама, встретив его на улице, ни за что бы его не узнала! Теперь же скорее можно было подумать, что передо мной стоит его двойник или брат-близнец. Спокойный, невозмутимый, ироничный и элегантный! Совсем не похожий на прежнего Антона Антоновича: беспокойного, неуверенного в себе человека, в бесформенном свитере, с довольно сильным заиканием. Но вместе с тем трогательного и искреннего!

Новый Антон Антонович не выглядел ни трогательным, ни искренним.

Мы поздоровались. Потом посчитали, сколько времени не встречались. Оказалось, что лет семь. Антон Антонович сказал, что жена и дочь здоровы, и у них все в порядке. Держался он официально и, как мне показалось, напряженно. Больше говорить было не о чем, я чувствовала какую-то неловкость и решила попрощаться. Но Антон Антонович задержал меня.

– Знаете, – сказал он, – в некотором смысле вы были моим учителем. Но я должен перед вами извиниться, – вдруг сказал он, без всякого перехода и резко меняя свой тон на более официальный.

– Ну, это совершенно ни к чему, – ответила я, – да вроде и не за что. До свидания!

Я почему-то почувствовала себя обманутой.

– Я обманул вас, – вдруг тихо произнес он, и я невольно остановилась, настолько мое собственное ощущение совпало с тем, что я только что услышала.

– Я никогда не лечился в психиатрической клинике, – продолжил Антон Антонович холодным тоном, – и никогда не эмигрировал из Италии. И мой отец не был коммунистом.

Я вам соврал. Я говорю вам это сейчас, потому что мы с семьей уезжаем жить за границу. Навсегда. Мне предложили там интересную работу.

Я молча смотрела на него, вернее, в его темные-темные очки. Теперь я почувствовала себя не обманутой, а просто попавшей в глупое положение.

– И вы вообще не Антон Антонович, – наконец смогла произнести я.

– Верно, – рассмеялся он.

– И ваша спина не покрыта сплошь рубцами и шрамами, – продолжила я.

Ни один мускул не дрогнул на его лице.

– О чем вы? – высокомерно спросил мой давний клиент.

– Снимите, пожалуйста, очки, – попросила я, – на минуточку.

Антон Антонович поколебался немного, но очки снял. На меня смотрело серьезное, новое для меня, лицо.

– Зачем вам понадобилось караулить меня и говорить мне все это? – спросила я. – Или вы из тех учеников, которые превосходят своего учителя?

Антон Антонович, или как там его теперь звали, молчал. Он опять надел свои очки. Я сочла его молчание за знак согласия, попрощалась и быстро пошла к метро. Антон Антонович больше меня не задерживал.

Через полгода я получила открытку с видом Рима. Меня поздравляли с Рождеством и желали здоровья и счастья. Открытка была подписана буквой «А». Отправитель не указал своего обратного адреса.

Вино из одного одуванчика

Мужчина лет тридцати, среднего роста и обычной наружности, дважды записывался ко мне на прием и дважды отменял свой визит.

Когда он появился в третий раз, я попросила его объяснить мне такую нерешительность.

– Вы мне доверяете? – спросила я Юрия Петровича.

– Да, конечно.

– А что вам мешает прийти на консультацию?

– Да я сам не пойму, – ответил растерянно Юрий Петрович. – То я чувствую, что совсем запутался, а то – что мне все кажется...

– Да-а-а, – протянула я, – хорошо бы вам определиться со своим вопросом. Он чего касается?

– Всей моей жизни, – ответил Юрий Петрович.

Еще на первом курсе Юра восхищался Наденькой. Ее большими голубыми глазами и светлыми и какими-то пушистыми волосами. Когда она сидела в аудитории на лекции, наклонив голову, то была похожа на одуванчик. По крайней мере, так казалось Юре.

Голосок у нее был тоненький и нежный, немного мяукающий. Говорила Наденька тоже очень нежно. Она любила уменьшительно-ласкательные суффиксы, и поэтому ее речь выглядела тоже «уменьшительно-ласкательной». Она говорила: «Юрочка, ты не мог бы мне дать на денечек твою тетрадку с конспектами?» – и Юра никогда не мог ей отказать. Все остальные девушки казались ему рядом с Наденькой грубыми.

Юра старался быть полезным Наденьке, чем только мог. Она благодарно принимала его заботу и ухаживания. Маленькие букеты цветов, шоколадки, пирожки, нужные для учебы конспекты и книги. Однако скоро стало очевидно, что Наденька влюблена в парня с четвертого курса.

Если Юра был среднего роста, то Сергей был высокий баскетболист. Если Юра имел заурядную внешность, то Сергей был красавец. Если Юра обожал Наденьку, то Сергей поглядывал на нее снисходительно.

А Наденька была влюблена. Она смотрела на Сергея затуманенным взором, ее щеки при этом покрывались алым румянцем, а руки теребили край кофточки. Юра не мог на это спокойно смотреть. Он уже передавал Сергею записки от Наденьки, написанные ее ровным изящным почерком, и изредка звонил по просьбе Наденьки Сергею домой, чтобы выяснить у его мамы или бабушки, где тот находится.

Однажды Юра пришел в гости к своему приятелю и встретил там Сергея. Собралась довольно большая мужская компания, было решено выпить пива и посмотреть по телевизору футбольный матч. Юрий невольно наблюдал за Сергеем. Матч он смотрел рассеянно, так как не был большим поклонником футбола.

Во время перерыва он услышал, как Сергей рассказывал приятелю: «... влюблена в меня, как кошка. Да я сам такого не ожидал. На вид скромняшка, гимназисточка просто, девятнадцатый век. А в постели – черт знает что вытворяет! Мама дорогая! Меня это страшно заводит, ну, ты понимаешь!»

Неожиданно Сергей обратился к Юре: «Ты, я вижу, интересуешься? Иди к нам. Ты же тоже в нашем институте учишься. Мы о девчонках говорим».

Но тут опять начался футбол, и Сергей повернулся к экрану телевизора.

Тем не менее, они познакомились. Домой до метро шли вместе. Юра не мог забыть того, что недавно услышал от Сергея. О ком это он говорил? И Юра не удержался от вопроса:

– Ты говорил о какой-то девчонке. Ты с кем-то встречаешься?

Сергей рассмеялся:

– Да она проходу мне не дает! И такой типаж необычный. Понимаешь, на вид просто божий одуванчик! Такая скромная, просто девочка-отличница. Глазками хлоп-хлоп. А в постели оказалась тигрицей. Вот тебе и одуванчик! Понимаешь, у меня уже были девчонки, но чтоб такое выделывать!

Юра резко остановился.

– Одуванчик! – Нет, не может быть, чтобы он говорил о Наденьке!

Сергей посмотрел удивленно.

– Ты что?

– Как ее зовут? – спросил Юра сдавленным голосом.

– Это неважно, – ответил Сергей, внимательно на него посмотрев.

– Ты ее любишь? – опять спросил Юра.

– А это – не твое дело, – уже раздраженно ответил Сергей.

Юрий Петрович сидел и смотрел на меня. Пауза затягивалась.

– У вас есть семья? – решила спросить я.

– Да, разумеется, – как бы спохватился мужчина. – Жена, сын и дочка.

– Сколько лет детям? – на всякий случай спросила я.

– Семь лет сыну и три года дочке, – ответил мой клиент.

– И с кем же у вас проблемы: с сыном или с дочкой? – решила я уточнить.

– Да нет, – ответил клиент. – Не совсем с ними. Дело в том, что я нечаянно обнаружил, что моя жена посещает порносайты...

После разговора с Сергеем Юра не спал всю ночь. Его мучила мысль о том, что он, видимо, как порядочный человек должен был «дать Сергею по морде». Но вдруг тот говорил не о Наденьке? Хотя это сравнение с одуванчиком показалось весьма странным! С другой стороны, одуванчиком Наденьку называл только Юра, да и то больше «про себя».

Юра ворочался с боку на бок. А что если Сергей встречается с другой девушкой? Тогда Наденька очень расстроится! Но именно эта мысль и усыпила усталого Юру.

«Ничего-ничего, – бормотал он уже сонный, – я ее утешу. Пусть лучше она разочаруется в этом развратнике!»

На следующий день на лекции Юра сел так, чтобы было хорошо видно Надю. Впрочем, он и раньше старался так садиться. Наденька старательно записывала лекцию. Ее голова была низко опущена. Пушистые светлые волосы напоминали цветок одуванчика...

Юра не то чтобы следил за Надей, но как-то всегда ее видел. И на следующий день он увидел Надю с Сергеем. Она с затуманенным взором и горящими щеками тихо о чем-то его просила. Юра видел, как в конце разговора Сергей кивнул головой.

– Так, – сказала я, – допустим, ваша жена посещает порносайты. А я тут при чем? Поговорите с ней об этом. В конце концов, вы взрослые люди.

– Это еще не все, – буквально выдавил из себя мой клиент, – я подозреваю, что она мне изменяет.

– Понимаю, – ответила я с сочувствием, – но, возможно, вы ошибаетесь.

– Нет, – ответил Юрий Петрович, – сейчас я уже уверен.

– Вы узнали, кто любовник вашей жены?

Юрий Петрович опустил глаза. Тяжело вздохнул. Потом оглянулся по сторонам.

– Я думаю, что он не один, – таинственно сказал он, наклонившись ко мне совсем близко, – возможно, их много.

– Ну, приехали... – теперь уже тяжело вздохнула я.

«Кто больной? Я – больной. Лев Маргаритович», – вспомнила я фразу из старого фильма.

Юра встретил Сергея около института, они поздоровались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.